

РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ XX ВЕКА: БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ. Т. 1. А – Л. / ПОД ОБЩ. РЕД. О.А. КЛИНГА И А.А. ХОЛИКОВА. – М.; СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2017. – 532 с. – вкл. 36 с. илл.

KLING, O. A., KHOLIKOV, A. A. (GEN. EDS.). THE RUSSIAN SCHOLARS OF LITERATURE, THE 20TH CENT.: A BIOBIBLIOGRAPHIC GUIDE. VOL. 1: A–L. M.; SPB.: NESTOR HISTORY PUBL., 2017. 532 pp. + 36 pp. of ill. [In Russian].

DOI: 10.31857/S241377150002553-1

Биобиблиографический словарь всегда ставит перед авторами задачи, без которых обходится справочник. Прежде всего, просопография – должна ли биография ученого включать только его исследовательский куррикулум или же и те судьбоносные обстоятельства, которые ему самому могли бы показаться случайными: первые впечатления и ученичество, друзья и старшие коллеги, успехи в других областях и увлечения, ссылки и аресты, затянувшиеся научные споры и конфликты. Все это входит с античных времен в биографический канон: без перипетий и стремлений невозможно понять сухие факты научной биографии.

Затем, что именно должно быть в библиографии – работы, которые сам автор считал важнейшими? Работы, которые признают таковыми коллеги, его современники или его ученики? Работы, которые мы сейчас в настоящий момент считаем самыми важными, могут оказаться не такими уже через несколько лет: а “хронологический провинциализм” вредит справочным изданиям не меньше, чем неточности или пробелы.

Наконец, последний вопрос – отбор лиц, о которых мы пишем: включаем ли мы в Словарь литературоведов тех, кто признан литературоведом по профессии, или же всех, ощутившим повливающим на развитие дисциплины под названием литературоведение? В последнем случае перед нами опять опасность: на развитие литературоведения влияют психологи и искусствоведы, философы и социологи. Литературовед – интерпретатор произведений: будем ли мы включать, например, историков мысли или лингвистов, серьезно занимавшихся интерпретацией литературных произведений? И есть ли строгая граница между литературоведом и, скажем, публикатором и комментатором архивных документов, который может не давать своих интерпретаций, но без работы которого ни одна интерпретация изучаемого писателя не будет многогранной и убедительной?

В рецензируемый Словарь включены из писателей-литературоведов (или писателей-критиков) Марк Алданов, Иннокентий Анненский, Анна Ахматова, Андрей Белый, Иосиф Бродский, Сергей Есенин, Борис Зайцев, Сигизмунд Кржижановский и многие другие. Из философов – В.Ф. Асмус, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Я.Э. Голосовкер, И.А. Ильин, А.Ф. Лосев и другие. Из религиозных

критиков – митр. Антоний Храповицкий, Н.С. Арсеньев, М.М. Дунаев. Из революционных мыслителей – Ида Аксельрод, Вера Засулич, В. Воровский, А. Луначарский. Включены великий психолог Л.С. Выготский, антиковеды А.А. Грушка, Ф.Ф. Зелинский, А.И. Зайцев, С.Я. Лурье и другие. Изредка такая широта охвата не позволяет до конца выдержать литературоведческую проблематизацию, скажем, в статье об А.А. Блоке говорится, что он молодых авторов “предостерегает от легковесности, от стремления к успеху любой ценой” – в чем здесь именно литературоведческий подход Блока? При сплошном чтении Словаря сразу встают вопросы, например, можно ли считать египтолога В.И. Авдиева литературоведом лишь потому, что в его работах по истории Древнего Египта говорится и о древнеегипетской литературе? Но без его фигуры неполна отечественная наука, стремившаяся по-своему обозначить контуры мировой литературы. Одно из обоснований такого подхода вдруг находишь в середине Словаря, в статье С.Д. Серебряного о П.А. Гринцере, где говорится, что литературоведами Лосев, Аверинцев и другие были объявлены в условиях подцензурной научной деятельности, но такая вынужденная характеристика отвечала глубинным запросам самих ученых.

Ближайший образец Словаря – Словарь “Русские писатели: 1800–1917”, хотя рассказы о литературоведах требовали не только большей сухости, но и иногда большего драматизма, чем при рассказах о писателях, судьбы которых и так обычно драматичны.

Очень удачна структура статей: биографический очерк с интересными и важными подробностями судьбы и научных достижений, библиография, включающая данные об архивных материалах ученого, и *personalia*. Вероятно, можно было бы отдельно выделять название научной школы, созданной ученым, и имена ведущих его учеников, но эти сведения легко можно получить из статьи и *personalia*. В некоторых статьях употребляется полужирный курсив для выделения авторских терминов.

Статьи часто писали ученики, иногда научные и физические наследники, как А.Г. Гачева о Д.И. Гачеве и Г.Д. Гачеве, иногда друзья – как Б.Ф. Егоров о Ю.М. Лотмане, включивший в статью и подробности военной биографии будущего великого ученого. Иногда в статьях слышна добрая ирония,

как в статье А.Л. Соболева о М.О. Гершензоне: “Отработанные археографические навыки в сочетании с растущей славой...” Иногда, наоборот, пафос мемуариста, как в статье О.Б. Вайнштейн о своем учителе А.В. Карельском: “Вокруг него всегда концентрировались люди, к-рым импонировали его требовательность и высочайший профессионализм”. Есть строгие статьи, подписанные “Редакция Словаря”, а есть страстно и емко написанные очерки, скажем, статья Е.В. Фейгиной об А.К. Дживелегове.

Иногда статьи – большие культурно-исторические очерки, как Р.А. Гальцевой о С.С. Аверинцеве, где наглядно воспроизводятся сами принципы аргументации выдающегося ученого, и ее же статья о драматизме мысли С.Н. Булгакова, или очерк Д.С. Московской о Н.П. Анциферове, показывающий жизненные и культурные приоритеты ученого, или строгий мини-трактат Н.Д. Тамарченко и В.И. Тюпы о М.М. Бахтине, или очерк Г.В. Векшина об О.М. Брикe, реконструирующий самый ход его стиховедческой мысли. Очерки о теоретиках социалистического реализма, таких как Б.А. Бялик, необходимо сухи. Иногда свойства научно-методологического очерка приобретают статьи в силу специфики занятий ученого: статьи о специалистах по древнерусской литературе (С.А. Бугославском, Т.В. Буланиной и др.) излагают между делом принципы верификации данных при исследовании рукописных памятников. Очерк О.Г. Ревзиной о В.В. Виноградове сухой и при этом не снимающий никаких живых противоречий; можно было бы назвать его идеальным, если бы не некоторые излишние ремарки о неповторимости стиля ученого. А С.И. Кормилов дал подробнейший рассказ о М.Л. Гаспарове, в котором постоянно слышен живой и бескомпромиссный внутренний диалог с великим ученым, не мешающий точности исчерпывающих характеристик. А.А. Тахо-Годи и Е.А. Тахо-Годи, наоборот, необходимо кратко и при этом виртуозно излагают сложнейшую эстетическую систему А.Ф. Лосева. Непростой вопрос о влиянии Г. Лукача на М.А. Лифшица в статье Е.А. Абдуллаева решен с опорой на сложные конфигурации идеологических полемик 1930-х годов. В некоторых статьях узнаешь неожиданные подробности, например, что фольклорист и романист Д.М. Балашов происходил из актерской семьи

В статье о Н.М. Ботвинник сказано: “Она много и охотно рассказывала о своих учителях, с к-рыми ее связывали не только академические, но и дружеские отношения”. Тем сильнее чувствуются редкие недочеты, когда учителя не названы: например, в статье об И.Н. Голенищеве-Кутузове говорится, что он воспринял “от профессоров Сорбонны” навыки текстологического анализа, – но ни один профессор по имени не назван.

Многие статьи раскрывают неожиданные грани достижений литературоведов. Так, важен пересказ герменевтических наблюдений Б.Я. Бухштаба, которого мы привыкли воспринимать больше как текстолога. Равно как очень продуктивно изложение стиховедческих достижений В.А. Западава, которого мы знаем обычно лишь как ведущего историка русской литературы XVIII в.

Укажем на некоторые недостатки изложения. Иногда в статьях о поэтах или критиках сохраняются метафоры,

принадлежащие их эпохе, например, Н.Н. Асеев “вводит читателя в поэтическую кухню Маяковского, Пастернака” – заметим, что вводить можно на кухню, а в кухню можно смотреть. Или “главный нерв”, как названо осмысление экзистенциальной проблематики в статье о Г.А. Белой – эта метафора напряженно переживаемых интеллектуальных поисков уже не вполне понятна в наши дни. Слово “искания”, например, в статье о Н.Я. Берковском, тоже требует в наши дни большого историко-культурного комментария.

Иногда, наоборот, применяются слова, чуждые миру данного литературоведа. Например, “верующий вольнодумец” как характеристика Н.А. Бердяева – согласился бы сам философ с таким вольтерьянским определением? Или в статье о В.Э. Вацуру прекрасно излагается его структуралистское учение об инвариантах, но почему-то выводом становится, что перед читателем предстает “непрерывная живая ткань лит. процесса” – вряд ли структурализм обрадовался бы такой метафоре. Выражение “реалистический дискурс” в статье о Л.Г. Андрееве отнесено к его монографии 1977 г., хотя само слово “дискурс” ученый знал в период работы над этой монографией, но широко стал его употреблять позднее. Спорно, что исходной точкой зрения для Ю.И. Айхенвальда было “мистико-религиозное представление о художнике”: скорее, нужно говорить просто о последовательном идеализме этого критика.

В некоторых статьях мы нашли неясность того, кому принадлежат данные в статье оценки. Скажем, про З.А. Венгерова говорится, что “ее упрекали порой в излишней академичности, отстраненной позиции” – мы так и не узнаем, кто именно ее в этом упрекал. Сказано, что А.А. Аникст сам понимал “устаревание метода” своих прежних исследований, но не уточнено, о каком методе идет речь. А.Л. Бем был “осторожен в отношении психоанализа” – очень емкое слово, но недостаточно объясняющее специфику подхода этого ученого. В статье об И.А. Аксельрод говорится, что в ее работах “нет присущей марксистам жесткости” – жесткости социологического подхода или жесткости характеристик героев? В любом случае, персонаж статьи, как революционный мыслитель, хотела бы скорее быть жесткой. О работах В.Г. Адмони сказано, что они “[в]ажны для истории отечественной германистики” – неясно, речь идет о важности их влияния на последующие исследования в этой области или важности на фоне других исследований по германистике ее времени. Краткость изложения позиции сторонников концепции Н.И. Конрада (напр., в статье об И.С. Брагинском) иногда идет в ущерб пониманию этой концепции: “доисламская лит-ра Ирана оказалась тождественна европ. Античности” – без хорошего знания контекстов тогдашних дискуссий о всемирной литературе сам смысл опорного понятия “тождества” как воспроизводства в разных культурах единой типологической закономерности неясен.

Иногда не вполне продумано редакцией употребление кавычек. Например, в статье о Ф.А. Абрамове в выражении “кампания против космополитизма” последнее слово закавычено – имеется в виду ложность обвинений или цитатность этого выражения? В статье о К.М. Азадовском закавычены уже все три слова.

Выражение “историк русской литературы” в применении к автору популярных очерков Н.Я. Абрамовичу не очень уместно – лучше назвать его популяризатором. Критик А. Лежнев изображен в статье о нем как воспитатель советских критиков больше, чем собственно как критик.

В статье о М.С. Альтмане говорится, что ученый считал, что “миф рождается из омонимов” – неясно из изложения, речь идет об омонимии звуковой, возникшей случайно, или о совпадении имен бога и вещи (перун – Перун). Про поздние работы В.В. Кожина говорится, что они “во многом опирались на нетрадиционную интерпретацию фольклорных и лит. памятников” – хотя сам Кожин, как традиционалист, сказал бы, что он традиционнее своих оппонентов – вероятнее, правильнее было бы сказать “нестандартную” или “привлекающую необычные контексты”.

Явные пробелы, которые редакция обещает восполнить в последнем томе издания, даже если брать только умерших на момент начала работы над изданием: В.В. Библихин, В.Я. Брюсов, Е.Ю. Гениева, А.Я. Гуревич, архим. Константин Зайцев – список можно продолжить, учитывая, что каждый из них по-своему был не только выдающимся интерпретатором литературы, но и прекрасным организатором научной жизни. Слишком краток очерк о Ю.П. Иваске, а очерк о В.И. Иванове поражает числом канцелярских оборотов. Изредка краткость статей создает невнятность, скажем, в статье о Г.В. Адамовиче говорится, что он “придавал очень мало значения методикам” – по контексту не очень ясно, что он с трудом принимал: исследовательские методики своего времени или вообще стиль научно-методического изложения. Злоупотребление словами “важнейший” и “характерно”, например, в статье о Т.Я. Елизаренковой, тоже могло бы быть исправлено редактором.

Понятно, что все эти замечания ничтожны в сравнении с проделанной авторами и редакторами Словаря огромной работой, не имеющей прецедентов в истории российского литературоведения.

На портретных вклейках видны ученые, упомянутые во многих статьях, но которые войдут в следующие тома. Особо следует отметить Список аббревиатур и именной указатель, а также список авторов (к сожалению, без указания названий статей, написанных каждым автором). Данное издание будет еще многие годы незаменимым в любой научной библиотеке и на полке любого литературоведа.

А.В. Марков
Доктор филологических наук,
профессор Российского государственного
гуманитарного университета,
Россия, 111399, Москва, ул. Чаянова, д. 15
markovius@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию
14 марта 2018 г.

Alexander V. Markov
Doctor of Philological Sciences,
Professor of the Russian State University for the
Humanities,
15 Chayanova Str., Moscow, 111399, Russia
markovius@gmail.com

Received by Editor on March 14, 2018.